

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Новости богословской литературы

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1901. № 10. С. 614-624.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Новости богословской литературы.

Уничженіе Господа Нашего Иисуса Христа. Экзегетическое и историко-критическое изслѣдованіе М. М. Тарѣва. Москва 1901.

Точною отправленія для этого компактнаго изслѣдованія (въ IX+192 страницы) служить извѣстное классическое свидѣтельство св. Апостола Павла въ Филипп. II, 5—11. Исходя отъ него, авторъ имѣетъ цѣлю раскрыть смыслъ и значеніе идеи богоснисхожденія или уничтоженія въ общей системѣ христіанскаго ученія. Оporою здѣсь служить экзегетическій анализъ, а историко-критическій обзоръ разныхъ мнѣній и теорій помогаетъ правильности и отчетливости всего изображенія, которое получаетъ уже характеръ догматической конструктивности. Въ этихъ интересахъ г. Тарѣвъ—послѣ краткихъ замѣчаній о сущности и важности предмета—экзегетически разсматриваетъ названное мѣсто Филипп. II, 5—11 (на стрн. 1—37) и затѣмъ собираетъ патристическія данныя относительно самоуничженія Иисуса Христа, кончая Іоанномъ Дамаскинѣмъ (стрн. 37—143). Тутъ раскрывается и разъясняется православный взглядъ, и его прочность освѣщается разборѣмъ новѣйшихъ протестантскихъ воззрѣній, съ замѣчаніями о богословіи католическомъ и православномъ русскомъ (стрн. 144—192).

Мы видимъ, что мысль автора развивается со строгою и гармоническою постепенностію, и уже эта стройность склоняетъ въ пользу защищаемыхъ авторомъ положеній. И, въ общемъ, они достаточно мотивированы и аргументированы. Недоумѣнія могутъ касаться лишь частныхъ сторонъ и теоретическихъ обоснованій. Отмѣтимъ нѣкоторыя.

Г. Тарѣвъ выступаетъ убѣжденнымъ и горячимъ поборникомъ идеи кенозиса, какъ единственной, которая вѣрно выражаетъ православное пониманіе въ соотвѣтствіи съ объективною истиной. По авторскому изображенію это такъ и выходитъ, но далеко не таковъ по своему возникновенію и

содержанію самый „кенотизм“. Даже терминъ греческій *κένωσις* позднѣйшаго происхожденія (см. Rev. Prof. Walter Lock, Art. „Kenosis“ въ A Dictionary of the Bible ed. By J. Hastings II, Edinburgh 1899, p. 835a), а теоріи подъ его именемъ выросли и развились лишь на почвѣ протестантства и здѣсь сохраняютъ въ себѣ слишкомъ мало православнаго. Отправляясь отъ идеи премірнаго (но абстрактнаго) божественнаго предсуществованія Христа, они стараются рационально объяснить самый актъ „истощанія“ Логоса до человѣческаго уровня настолько, что при этомъ яко бы совсѣмъ утрачивается часть божескихъ свойствъ, и въ Иисусѣ оказывается богопросвѣщенный человѣкъ, постепенно поднимающійся до прежней высоты божественнаго прославленія. Поэтому у специальныхъ кенотиковъ всегда замѣтенъ наклонъ къ несторіанскому христологическому созерданію (см. Rev. Alban Richey, The Incarnation and the Kenosis, New York 1898, p. 19. Rev. F. J. Hall, The Kenotic Theory, New York 1898, p. 2. „The Church Quarterly Review“ XLVIII, 95 [April 1895], p. 232, а равно XXXIII, 65 [October 1891], p. 75 sq.; XLI, 82 [January 1896], p. 304 sq.; XLIII, 85 [October 1896], p. 44.49—50; XLIV, 88 [July 1897], p. 266 sq. 285. 290 sq.; XLV, 89 [October 1897], p. 165. 173), какъ это отмѣчаетъ и самъ г. Тарѣвъ, напр., о Дорнерѣ (стрн. 173). Авторъ всего менѣ повиненъ въ подобныхъ крайностяхъ и вездѣ устраняетъ ихъ съ непреклонностію истинно православнаго убѣжденія, но, защищая кенозисъ (ср. стрн. IV сл.), онъ долженъ былъ оговориться, что понимаетъ его не въ смыслѣ извѣстныхъ кенотическихъ теорій. Итакъ, въ этомъ случаѣ предъ нами собственно терминологическое недоразумѣніе.

Болѣе матеріальный характеръ носятъ разногласія касательно патристическихъ свидѣтельствъ, занимающихъ въ книгѣ обширное мѣсто и преимущественное положеніе. Мы имѣемъ въ виду два примѣра. Г. Тарѣвъ дважды (на 6 и 56 стрн.) приписываетъ извѣстному Аполлинарію лаодикійскому то мнѣніе, будто „человѣческую форму онъ считалъ вѣчною формой существованія Сына Божія“. Это сужденіе высказывается не рѣдко и въ иностранныхъ сочиненіяхъ (см., напр., late Rev. J. W. Burgon, The Causes of the Corruption of the Traditional Text of the Holy Gospels, London 1896, p. 219), но едва ли оно правильно. Во всякомъ случаѣ ссылка г. Тарѣва на діалогъ блаж. Θεодорита „Эранистъ“ его совсѣмъ не подтверждаетъ, потому что въ данныхъ тутъ (Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 104) выдержкахъ изъ сочиненій лаодикійскаго епископа этого ученія нѣтъ, и онѣ приводятся для иллюстраціи православныхъ взглядовъ. Что же касается убѣжденій Аполлинарія, то мы знаемъ только то, что его обвиняли, будто онъ „защищаетъ предложеніе или превращеніе Божества въ плоть при воплощеніи и придаетъ Ему свойства человѣческія“, но іера-

польскій архипастырь энергически отвергалъ эти подозрѣнія и—совершенно справедливо, поелику у него скорѣе устраняется даже соприкосновеніе божественности съ полною человѣчностью; его ученіе о „единой природѣ Бога Слова воплощенной“ „не заключало въ себѣ никакого заблужденія и могло быть понимаемо въ православномъ смыслѣ“, какъ эта формула и дѣйствительно была усвоена св. Кирилломъ александрійскимъ, а ученіе о „небесномъ человѣкѣ“ состояло въ томъ, что Христосъ есть „Богъ по духу воплотившемуся и человѣкъ по плоти, воспринятой Богомъ“, и лишь въ такой формѣ существуетъ прежде своего рожденія (см. въ диссертациі проф. А. А. Спасскаго, Историческая судьба сочиненій Аполлинарія лаодикійскаго съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни, Сергіевъ Посадъ 1895, стрн. 155 сл. 262—263. 299. 307 сл. и др.).

Этотъ пунктъ, очевидно, требуетъ исправленія, но въ книгѣ г. Тарѣва онъ упоминается мимоходомъ и не имѣетъ большой важности. Гораздо существеннѣе другой, въ которомъ затрогиваются горячіе христологическіе споры V-го в. Какъ извѣстно, главные участники ихъ—Кириллъ александрійскій и Θεодоритъ кирскій—разошлись между собою до крайняго обостренія взаимныхъ обвиненій въ еретичествѣ и всегда относились другъ къ другу недовѣрчиво. Однако имена ихъ сохранились со славою, и репутація второго была реабилитирована на халкидонскомъ соборѣ не менѣе Кирилловой. Значить, оба они по существу своихъ исповѣданій были православны, а потому съ исторической точки зрѣнія не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь было собственно недоразумѣніе терминологическаго пониманія и заблужденія относительно лицъ, но не самой истины. Въ этомъ смыслѣ и задача историческаго изслѣдованія сводится къ тому, чтобы объяснить коллизіи изъ историческихъ условій, не забывая и не преувеличивая теоретическихъ особенностей въ самомъ воззрѣніи на дѣло у сталкивающихся сторонъ. Такимъ рѣшеніемъ историческихъ разысканій г. Тарѣвъ не доволенъ и критикуетъ ихъ во имя отвлеченной философско-догматической критики (см., напр., стрн. 126, 249). На своей позиціи онъ сохраняетъ видъ высшей правоты, но и она не абсолютна. Авторъ даетъ намъ уже не объясненіе, а оцѣнку,—и въ этомъ громадная разница, которая позволяла бы говорить только о дополненіи къ историческому толкованію и никакъ не объ устраненіи его. Въ свою очередь и догматическая оцѣнка не можетъ быть объективною, если не соображается строго съ историческимъ положеніемъ вопроса и не принимаетъ во вниманіе исторической относительности. Безъ этого историческое явленіе получаетъ пристрастное и неправильное освѣщеніе. Не избѣжалъ этого вполнѣ и г. Тарѣвъ, потому что исторически-условныя шероховатости иногда пріобрѣтаютъ у него принципиально-догматическую рѣзкость. Отсюда и

нѣкоторая несогласованность. Такъ, говорится (на стрн. 128 прим.), что „и св. Кириллъ и блаж. Ѳеодоритъ одинаково православны, но они оказываются съ отѣнкомъ различія—того тонкаго различія, которое говоритъ о двухъ направленихъ въ *объясненіи* тайны воплощенія“. А направление киррсакаго епископа было, безспорно, антиохійскимъ, между тѣмъ на стрн. 73 сказано, что „полную противоположность христологии св. Кирилла, *по существу*, составляетъ христология антиохійской школы“. Эти наблюденія свидѣтельствуютъ и убѣждаютъ, что толкованія автора нужно принимать не столько въ смыслъ абсолютнаго корректива, сколько въ качествѣ дополняющихъ интерпретацій догматико-критическаго характера. Съ этой стороны они найдутъ свое значеніе.

По нашимъ замѣчаніямъ легко догадаться, что книга г. Тарѣва не принадлежитъ къ типу строго экзегетическихъ или чисто библейско-богословскихъ изслѣдованій. Экзегетическій разборъ является лишь средствомъ для отчетливаго опредѣленія вопроса, рѣшеніе котораго и служитъ спеціальнымъ объектомъ всѣхъ разсужденій. Посему въ этой части авторъ не входитъ во всѣ подробности экзегетическаго анализа и ограничивается тѣмъ, что прямо касается формулированной задачи, хотя и здѣсь трудъ богаче наличныхъ русскихъ работъ и матеріаломъ и по идейному содержанію. При всемъ томъ главнѣйшій центръ тяжести заключается именно въ догматическомъ изъясненіи „кенозиса“, и въ этомъ же преимущественная важность сочиненія. Нельзя не согласиться, что г. Тарѣвъ справедливо избираетъ историко-критическій методъ и начинаетъ разсмотрѣніемъ патристическаго ученія. На послѣдній отдѣлъ затрачена масса энергіи, чтобы собрать всѣ данныя по подлинникамъ и привести ихъ въ цѣлостную систему. Тутъ мы имѣемъ лучшее во всей книгѣ, но особенно тщательно, детально и осмысленно разслѣдуются христологическіе споры V в., а св. Кириллъ александрійскій могъ бы быть для автора благодарною и плодотворною темой для спеціальнаго труда немалой цѣнности. Въ этомъ патристическомъ обзорѣ г. Тарѣвъ получаетъ основы для собственнаго рѣшенія, которое потомъ удачно освѣщается критикою новѣйшихъ кенотическихъ теорій.

При своей цѣльности, сочиненіе г. Тарѣва заключаетъ въ себѣ и широкую богословскую идейность. Объективное сужденіе о предметѣ рѣчи связывается у него съ вопросами теодицеи, къ чему направляются и другіе труды автора, напр., объ искушеніи Господа (Москва 1900: см. „Христіанское Чтеніе“ 1901г., IX, стрн. 461—464) и „Цѣль и смыслъ жизни“ (печатается въ журналѣ „Вѣра и Церковь“). Поэтому разсматриваемое изслѣдованіе пріобрѣтаетъ особый интересъ поучительности. Вообще же оно для нашей бѣдной литературы по исторіи

и философіи догматовъ является полезнымъ приобретениемъ, которое заслуживаетъ серьезнаго вниманія читателей ¹⁾.

Д-ръ Вольгемуть, Безсмертіе по ученію Библии. Берлинъ 1900 ²⁾.

Вопросъ касательно библейскаго ученія о безсмертіи всегда имѣлъ высокую важность для науки и вѣры, а въ новѣйшее время получилъ особенное значеніе по связи съ общими текстуально-критическими реконструкціями ветхозавѣтной исторіи, при чемъ онъ самъ освѣщался изъ нихъ или же привлекался для оправданія и подтвержденія критическихъ гаданій. Но въ обоихъ случаяхъ критическій выводъ былъ тотъ, что и здѣсь ходъ развитія совершался обычнымъ эволюціоннымъ путемъ отъ низшаго къ высшему, со всѣми промежуточными и боковыми стадіями, такъ что въ началѣ совсѣмъ нельзя предполагать наличности позднѣйшаго содержанія, которое—въ свою очередь—ничуть не обладаетъ авторитетомъ откровенности. Въ самый послѣдній періодъ наиболѣе выдвигалась та теорія, что вѣрованія безсмертія выросли и крѣпли на почвѣ культа умершихъ и почитанія (памяти) предковъ.

Въ этихъ спорахъ и осложненіяхъ было интересно и собственно іудейское преданіе, какъ оно сохранялось традиціей и выражалось научными корифеями. На этотъ счетъ было и продолжается подозрѣніе, будто въ эсхатологіи знаменитый Маймонида держался скептическихъ воззрѣній. Г. Вольгемуть это отвергаетъ, и другіе еврейскіе писатели усвояютъ Маймониду тотъ взглядъ, что „обѣщанное воскресеніе должно происходить въ мессіанскую эпоху, а не въ періодъ будущаго міра, когда, по мнѣнію самихъ раввиновъ въ Талмудѣ, будетъ только (?) чисто спиритуалистическое существованіе“ (см. у А. Я. Гаркави, Новыя данныя изъ Маймонидовской литературы въ журналѣ „Восходъ“ 1898 г., V, стрн. 30), откуда вытекаетъ, что воскресеніе мертвыхъ онъ допускалъ (ср. и S. Schechter, *Studies in Judaism*, London 1891, p. 199), но яко бы только для умственныхъ аристократовъ (А. Я. Гаркави, Историческіе очерки караимства. Изъ этюдовъ о еврейскихъ сектахъ въ журналѣ „Восходъ“ 1900 г., I, стрн. 80—81). Тѣмъ не менѣе догматическая истинность безсмертія для іудейства не безусловна и посредствуется номистическими началами. Поэтому и нынѣ иные іудейскіе авторы склоняются къ саддукейскимъ мнѣніямъ и ученіе о воскресеніи считаютъ новшествомъ (см., напр., Alexander Bragin, *Die freireligiösen Strömungen im alten Judenthume. Ein Beitrag zur jüdischen Religionsphilosophie*. Berlin 1896.

¹⁾ Цѣна книги 1 р. 65 коп. съ пер.

²⁾ Die Unsterblichkeitslehre in der Bibel von Dr. J. Wohl gemuth
цѣна около 60—70 коп.

С. 73—74). Такъ утверждаютъ, что „глубокое изученіе талмудической литературы и исторіи докажутъ (?) намъ, что 1) вѣра въ возмездіе за гробомъ, 2) въ воскресеніе мертвыхъ и 3) въ пришествіе Мессіи не могутъ считаться элементами іудейской религіи... Къ іудаизму эти вѣрованія не имѣютъ никакого отношенія...; они также мыслимы безъ іудаизма, какъ послѣдній безъ нихъ“ (Ал. Брагинъ, къ вопросу о реформѣ въ области еврейской религіи въ журналѣ „Восходъ“ 1896 г., VIII, стрн. 24).

При такихъ условіяхъ естественно было ожидать, что эта свобода будетъ перенесена и на библейскіе памятники. Фактически это и наблюдается не рѣдко, но только не въ разсматриваемомъ трактатѣ (въ 58 стрн.), выпущенномъ въ качествѣ научнаго приложенія къ отчету раввинской берлинской семинаріи за 5658/59 (1899 г.). Здѣсь авторъ ставитъ себѣ прямою задачею разборъ и опроверженіе тѣхъ сужденій, что Библия не знаетъ и не проповѣдуетъ вѣры въ безсмертіе. Г. Вольгемуть строго сосредоточивается на этой темѣ и не выходитъ изъ ея границъ. Потому и вся книга имѣетъ полемическій характеръ, хотя при этомъ необходимо раскрывается и положительное содержаніе анализируемыхъ библейскихъ мѣстъ. Своихъ полемическихъ цѣлей изслѣдователь достигаетъ успѣшно, и безпристрастный читатель долженъ согласиться, что—по объективнымъ филологическимъ и другимъ соображеніямъ—критическія сужденія являются слишкомъ преувеличенными и тенденціозными. Но въ положительномъ освѣщеніи и самъ авторъ дозволяетъ себѣ усвоить библейскимъ свидѣтельствамъ излишнюю отчетливость, какую они получали только позднѣе, а это показываетъ отсутствіе въ трудѣ библейско-богословской методичности, неуклонно сообразующейся съ постепенностію откровеннаго обнаруженія. Больше силы и значенія имѣетъ филологическая аргументація г. Вольгемута, а равно достойны вниманія сообщенія объ іудейскихъ взглядахъ на основаніи первоисточниковъ. Г.

Д. И. Введенскій. Ученіе Ветхаго Завѣта о грѣхѣ. Св.-Троицкая Сергіева Лавра 1901.

На подобныя темы у насъ было уже не одно богословское сочиненіе, но эта диссертация имѣетъ для себя полное оправданіе и основаніе въ особомъ ея характерѣ. Этотъ трудъ принадлежитъ къ области библейскаго богословія и, будучи выдержаннымъ по типу, почерпаетъ свою важность уже въ самомъ значеніи послѣдняго. Данной дисциплины у насъ пока не существуетъ и достоинство ея почитается не всѣми ¹⁾. Нельзя не констатировать, что отъ этого мы тер-

¹⁾ См. статью „Библейское Богословіе (Ветхаго и Новаго Завѣта)“ въ „Православной Богословской Энциклопедіи“ изданія проф. А. П. Лопухина, т. II (Сиб. 1901), стлб. 554 сл. 562 сл.

пимъ великій ущербъ не только отрицательно, но и положительно—не по одному простому отсутствію такихъ работъ, а и потому, что это сопровождается несомнѣнными несовершенствами въ наличныхъ аналогичныхъ изслѣдованіяхъ. Во всякомъ предметѣ прежде всего требуется объективное и точное констатированіе его свойствъ въ томъ видѣ, какъ они даны фактически. Для богооткровенной религіи этотъ объективизмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и конечный предѣлъ познанія, поелику тутъ все получается, а не достигается самобытно. По этой причинѣ и ближайшая задача библейской науки должна состоять въ отчетливомъ изображеніи подлиннаго библейскаго содержанія въ его дѣйствительныхъ размѣрахъ и пробѣлахъ. Лишь послѣ того, какъ это будетъ сдѣлано, у насъ окажется твердый фундаментъ для дальнѣйшихъ разысканій, которыя направляются либо къ рационально-философскому уразумѣнію либо къ религіозно-догматической систематичности. Безъ этой основы подобныя изысканія бывають безпредметными, часто односторонними и всегда недостаточно плодотворными, ибо у нихъ нѣтъ ни яснаго пункта отправленія, ни истинной точки приложенія, разъ они, трактуя о библейскихъ вопросахъ, говорятъ отъ себя и лишь по поводу ихъ. Необходимо возвратиться къ первоисточнику и сосредоточиться на строго библейскихъ задачахъ въ интересахъ научно-богословскаго прогресса.

Въ такомъ именно тоиѣ ведется работа г. Введенскаго, и отсюда уже безспорно ея право на серьезное вниманіе. Но его заслуживаетъ эта книга и по самому своему содержанію, гдѣ предметъ разсматривается по всей совокупности библейскихъ данныхъ и съ систематическою постепенностію. Поэтому читателю прежде всего раскрывается сущность грѣха, а затѣмъ опредѣляется субъектъ или носитель грѣха въ связи съ выясненіемъ вопроса о его врожденности; рѣчь о происхожденіи грѣха естественно разрѣшается разсмотрѣніемъ слѣдствій грѣха по его винѣ и наказанію, злу и смерти. Общій взглядъ на ветхозавѣтное ученіе о возможности борьбы человѣка съ силою грѣха увѣнчивается заключеніемъ, что собственныя попытки людей лишь приучали ихъ къ вѣрѣ, какъ единственному средству для полученія праведности отъ Бога. Если грѣхъ былъ главнѣйшимъ объектомъ ветхозавѣтной педагогіи, а эта завершалась въ новозавѣтномъ облагодѣтствованіи, то и ветхозавѣтная амартологія должна соприкасаться съ новозавѣтною сотериологіей. Это совпаденіе конца съ началомъ служить доброю рекомендаціей труда и косвенно опровергаетъ заскорую мнительность нашихъ охранителей, которые понынѣ не только думаютъ, но и печатно заявляютъ, будто библейское богословіе занимается лишь тѣмъ, что расторгаетъ связь завѣтовъ ветхаго и новаго...

Отмѣченная нами всесторонность разсмотрѣнія соединяется

у г. Введенскаго съ полнотою содержанія. Библейскія данныя собраны старательно и обсуждаются съ научною солидностію—при хорошихъ пособіяхъ, списокъ коихъ занимаетъ цѣлыхъ 4^{1/2} страницы. Всюду впереди поставляются положительное изслѣдованіе и формулированіе, но авторъ разбираетъ и всѣ извѣстныя ему несогласныя мнѣнія. Въ полемикѣ сохраняется объективное безпристрастіе ¹⁾, и лишь изрѣдка аргументація противниковъ напрасно утрируется до смѣшного (напр., на стрн. 24,¹). Похвально и то, что въ сомнительныхъ случаяхъ г. Введенскій воздерживается отъ слишкомъ рѣшительныхъ выводовъ (такъ на стрн. 185 прим.).

По воѣмъ этимъ причинамъ ссображенія и заключенія являются достаточно мотивированными и—въ общемъ—вѣрны. Въ частностяхъ, конечно, встрѣчаются и такіе пункты, которые вызываютъ недоумѣнія. Авторъ безъ оговорокъ и съ замѣтнымъ одобреніемъ приводитъ мнѣнія, что гнѣвъ Божій былъ лишь особымъ выраженіемъ любви божественной (стрн. 156,¹. 158,⁴), но тутъ необходимо вспомнить, что такое сужденіе было высказано и защищается ричліанцами по партійно-тенденціознымъ побужденіямъ ради школьныхъ воззрѣній на дѣло искупленія. Здѣсь г. Введенскій не придалъ всего значенія факту, а въ другомъ случаѣ преувеличиваетъ его. Разумѣемъ категорическое отрицаніе, будто Виблія учитъ о наказаніи однихъ за другихъ, напр. дѣтей и потомковъ за отцовъ (стрн. 166 сл.). Это справедливо въ смыслѣ устраненія разныхъ крайностей, яко бы тутъ допускается невинное и безпричинное возмездіе. Но ясно, что здѣсь самое наказаніе понимается превратно—въ качествѣ чисто внѣшняго прираженія къ тому или иному субъекту, между тѣмъ оно бываетъ только внѣшнимъ обнаруженіемъ внутренняго состоянія и неразрывно отъ него, хотя бы это соотношеніе посредствовалося внѣшнимъ регуляторомъ и хотя бы точная связь для насъ не всегда была очевидна. При такомъ воззрѣніи мы должны будемъ допустить, что грѣхъ обязательно сказывается своими слѣдствіями до тѣхъ поръ, пока онъ не исчерпается ими и не испарится. Продолжительность дѣйствія тутъ соизмѣряется не личною виновностію, а ея силой, энергія которой простирается до предѣловъ своего напряженія и въ этомъ объемѣ захватываетъ собою все подходящее. Потому паденіе Адамово вмѣнялось и вмѣняется въ смерть доселѣ не согрѣшившимъ и не согрѣшающимъ по подобію праотца, но умирающимъ по причинѣ его... По всему этому библейскія извѣстія требовали лишь освѣщенія при удержаніи ихъ во всей непосредственности.

¹⁾ Замѣтимъ однако, что у С. С l e m e n ' a, Die chrisliche Lehre von der Sünde I (Göttingen 1897) на стрн. 242 нѣтъ рѣчи, будто Быт. II, 17 говоритъ лишь объ ускореніи (а не о происхожденіи) смерти, какъ выходитъ по словамъ г. Д. И. Введенскаго (стрн. 181,²).

Изъ внѣшнихъ недочетовъ отмѣчаемъ одинъ по его незаконному возобладанію во всевозможныхъ изданіяхъ. Это—манера глухихъ указаній на сказанное въ другомъ мѣстѣ,—безъ обозначенія страницъ и безъ иныхъ точнѣйшихъ опредѣленій. Въ этомъ отношеніи авторъ пунктуаленъ очень рѣдко (стрн. 156,_з. 174 прим.), а больше ограничивается голословными осылками на „ниже“, „выше“ и т. п. (стрн. 14,₁. 17 прим. 41,₁. 43,_з. 68,₂. 70,₂. 106 прим. 118,_з. 148,₂. 149,₁. 152,_з. 176,₁. 182,₂. 196,₁. 201,₂). Это неудобно до крайности и ведетъ къ такимъ, напр., курьзамъ, что на стрн. 21,₄ говорится о сказанномъ ранѣе на „стрн. 24 и далѣе“. (Для опечатокъ: на 167,_з выпала цифра страницы).

При солидной (въ 222+XVІІІ страницъ) книгѣ приложенъ подробный и систематическій указатель упоминаемыхъ и изъясненныхъ въ ней библейскихъ мѣстъ. Это возвышаетъ общеполенность труда, важнаго по предмету и характеру изслѣдованія и поучительнаго по достигнутымъ результатамъ¹).

Г.

В. Х. Дообней, Употребленіе апокрифовъ въ христіанской церкви, Лондонъ 1900²).

Эта небольшая книжка (въ 120 страницъ in 8-о) имѣетъ для насъ особый интересъ, потому что можетъ напоминать намъ о необходимости пробудиться отъ спячки, въ которую мы давно погрузились по одному важному вопросу, создавъ себѣ искусственно долгую зиму, способную заморозить всякую жизнь... Разумѣемъ ветхозавѣтныя библейскія неканоническія книги. Онѣ давно водворились въ нашихъ Библияхъ въ объѣмѣ латинской Вульгаты, однако вѣдь мы не раздѣляемъ католическихъ обоснованій послѣдней и потому оказываемся прямо въ странномъ положеніи, споримъ даже о каноничности книгъ неканоническихъ и о неканоничности каноническихъ и вносимъ чистѣйшіе апокрифы... Простое оправданіе было бы то, что мы держимся авторитета греческаго перевода LXX-ти, но у насъ есть воспроизведенныя съ латинскаго писанія—3 (4) Ездры—и порусски опускается греческое предисловіе къ переводу Сираха.

Значить, мы успокоились напрасно, потому что дѣло требуетъ великаго разсужденія. Оно уже имѣетъ свою исторію. На латинскомъ западѣ „апокрифы“ всегда пользовались большимъ уваженіемъ и въ четвертомъ засѣданіи тридентскаго собора (8-го апрѣля 1546 г.) удостоились торжественной апробации въ качествѣ девтеро-каноническихъ или каноническихъ

¹) Цѣна сочиненія г. Введенскаго 1 р. 50 к.

²) The Use of the Apocrypha in the Christian Church by William H. Daubney, B. D. London 1900 у C. J. Clay & Sons.

второго порядка, но тоже богодухновенныхъ и только дольше другихъ бывшихъ не общепринятыми. Дано было это одобрение не безъ тенденціонности, ибо католичество не мало опиралось на неканоническія книги для подтвержденія своихъ особыхъ богословско-догматическихъ мнѣній. Отсюда понятно, что протестантство уже по самой своей оппозиціонности отнеслось къ этимъ писаніямъ съ рѣзкою подозрительностію и унижало ихъ съ крайнимъ усердіемъ. Потомъ споры возгорѣлись въ XIX столѣтіи и дважды (въ 1825—1829 и 1850—1853 гг.) достигали бурной страстности (ср. у Н. К. Дагаева, *Исторія ветхозавѣтнаго канона*, Спб. 1898, стрн. 251—253), при чемъ вопросъ получилъ неожиданное примѣненіе. Противники разошлись до острой исключительности, и каждая сторона въ свою защиту указывала на *ultima ratio* въ томъ, какъ эти „апокрифы“ отражались въ новозавѣтномъ канонѣ. Апологеты ихъ (напр., R. Stier) находили, что апокрифическія реминисценціи въ Н. З. равны прочимъ ветхозавѣтнымъ цитатамъ и напоминаніямъ. Этотъ тезисъ и приобрѣлъ новое освѣщеніе, особенно у Керля (въ двухъ его сочиненіяхъ—премированномъ *Die Apokryphen des alten Testaments. Ein Zeugniß wider dieselben auf Grund des Wortes Gottes von Philipp Friedrich Keerl, Leipzig 1852; Die Apokryphenfrage mit Berücksichtigung der darauf bezüglichen Schriften Dr. Stier's und Dr. Hengstenberg's, mit einem Anhang: Philo im Neuen Testament, ibid. 1855*). Онъ подобнымъ же путемъ старался раскрыть, что новозавѣтные писатели могли пользоваться Филономъ, но это не обезпечиваетъ ему авторитетности. Преувеличеніе всей этой аргументаціи не замедлило вызвать обратную утрировку, что если Н. З. брать „крайнимъ судіею“, то по его неразборчивой цитациі яко бы нужно допустить, что каноническіе документы ветхозавѣтные не выше апокрифическихъ и не обладаютъ преимуществами. Легко видѣть, что здѣсь вычиталась самая богодухновенность, и вся ветхозавѣтная письменность низводилась до уровня обычной человѣческой продуктивности. Результаты сего достаточно понятны и зловѣще иллюстрируются всею исторіей явно разрушительной ветхозавѣтной критики. Не менѣе того неизбежно, что при такихъ экспериментахъ долженъ былъ страдать и Новый Завѣтъ. Логика тутъ простая и неумолимая: коль скоро новозавѣтные писатели цитовали всѣ библейскіе памятники въ одинаковомъ достоинствѣ,—отсюда вытекаетъ, что и они принижаются до общаго уровня по условіямъ происхожденія и по самому характеру. Едва ли нужно доказывать, какой широкій просторъ открываетъ все это для критическихъ операцій надъ новозавѣтными писаніями въ отрицательномъ или хоть въ генетическомъ направленіи.

По всему этому несомнѣнно, что вопросъ объ авторитетѣ и библейскомъ положеніи неканоническихъ книгъ имѣетъ

большую важность, а для самого отвѣта требуется выяснить и опредѣлить ихъ отношенія къ новозавѣтному канону. Между тѣмъ у насъ эта задача либо совсѣмъ замалчивается, либо рѣшаемся несогласованно. Такъ, одни охотно допускаютъ, что Новый Завѣтъ знаетъ и употребляетъ писанія неканоническія (Н. К. Дагаевъ, *Исторія ветхозавѣтнаго канона*, стрн. 176—181), другіе не менѣе категорически отвергаютъ это (см. проф. П. А. Юнгеровъ, *Исторія канона священныхъ новозавѣтныхъ книгъ въ новозавѣтной церкви въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1900 г., т. I, стрн. 224—239).*

Что же представляетъ по этому предмету рассматриваемая книжка?

Г. Досбней сначала даетъ общія замѣчанія касательно „библейской“ исторіи „апокрифовъ“ и для примиренія разнорѣчій апеллируетъ къ Новому Завѣту, находя, что послѣдній ихъ привлекаетъ и примѣняетъ. Затѣмъ заключеніе это подкрѣпляется разборомъ древнихъ христіанскихъ писателей, извѣстій о соборахъ и каталогами библейскихъ писаній у древне-христіанскихъ авторовъ. Наблюденія относительно новѣйшаго употребленія—у писателей (преимущественно англійскихъ) и популярнаго—сопровождаются конечнымъ выводомъ въ пользу апокрифовъ.

Въ смягченномъ видѣ этотъ итогъ говоритъ лишь объ удержаніи „апокрифовъ“ въ библейскомъ составѣ и съ этой стороны находить не мало оправдательныхъ соображеній. Однако Библия есть слово Божіе, и мы не въ правѣ расширять ея придѣлы дальше границъ общепризнанной и удостовѣренной богодуховенности. И если безспорный авторитетъ LXX-ти въ связи съ другими основаніями можетъ склонять къ сохраненію за неканоническими книгами библейскаго мѣста, то позволительно желать, чтобы онѣ не перемѣшались съ каноническими и отличается отъ нихъ (напр., по положенію, шрифту и пр.), какъ это дѣлается для неканоническихъ прибавокъ, гдѣ не отмѣчается стиховъ. Но во всякомъ случаѣ не усматривается убѣдительныхъ резонновъ для перенесенія изъ Вульгаты такихъ документовъ, которые возбуждаютъ достаточно недоумѣній въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Впрочемъ, этотъ предметъ заслуживаетъ, спеціального изслѣдованія, и намъ пока достаточно замѣтить, что въ принципиальномъ смыслѣ мы не симпатизируемъ Досбнею и расходимся съ нимъ существенно. При всемъ томъ его компактный трудъ имѣетъ достоинство сжатаго и отчетливаго обобщенія важнѣйшихъ матеріаловъ и съ этой точки зрѣнія полезенъ для освѣдомленія и справокъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки